

ИСТОРИЯ

УДК 94(47) 16/18

В.Н. Кудряшев

ИДЕИ НАЦИОНАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. БЕЛИНСКОГО

Раскрывается трактовка В.Г. Белинским значения реформ Петра I, превративших русский народ в нацию, создавших Российскую империю как национальное русское государство. Автор показывает, что принципиальным для В.Г. Белинского было выделение русского народа как «исторического», т.е. развивающегося в русле прогресса и являющегося его двигателем.

Ключевые слова: национальность; исторические народы; В.Г. Белинский.

Приближающийся 200-летний юбилей со дня рождения Виссариона Григорьевича Белинского, создателя русской литературной критики, «властителя дум» российской интеллигенции, возродил интерес к его многогранной интеллектуальной деятельности, одним из аспектов которой было обращение к национальным проблемам Российской империи. В советский период утвердилось представление об антипатриотизме «великого демократа». Исследователи его творчества постоянно подчеркивали, что обличитель самодержавия переносил ненависть к царизму на империю в целом [1. С. 311]. В постсоветской литературе акцент делался на роли Белинского в формировании российского западничества, в результате чего он воспринимается как предтеча русского либерализма, весьма националистически ориентированного. Противник империи превращается в ее восторженного апологета, да еще и ксенофоба [2]. В настоящее время назрела необходимость, избегая крайностей в оценке столь значимой и в силу этого сложной фигуры в истории русской общественной мысли, дать возможно более полный анализ его работ без выискивания и демонстрации ярких фраз, часто произнесенных в пылу полемики, свойственной бурной эпохе становления общественных движений в России.

По мнению В.Г. Белинского, историческую судьбу России, ее национальные особенности в значительной мере определило географическое положение. Находясь между Европой и Азией, Россия испытывала влияние этих цивилизованных центров, которые четко выделялись и противопоставлялись как два исторических идеала (при том, что идея единства человеческой цивилизации для Белинского безусловна). Различия между Европой и Азией возникли изначально, с момента формирования здесь первых народов. В.Г. Белинский не стремился умалить роль и значение Востока, подчеркивая влияние древнейших цивилизаций Индии, Китая на историю человечества [3. С. 100]. Но Азия для него – мир, где отсутствовал прогресс, где общество застыло на тысячелетия. У азиатских народов отличные от европейцев менталитет, межличностные, семейные отношения, остановившиеся на начальной стадии. Религия, в частности ислам, стала духовным консерватором уже сложившейся цивилизации, препятствуя любой возможности развития мысли [3. С. 100–101].

Европа у Белинского – безусловная антитеза Азии: «Все великое, благородное, человеческое, духовное, взошло, расцвело пышным цветом и принесло роскошные плоды на европейской почве... Все человеческое

есть европейское и все европейское – человеческое» [3. С. 105]. В.Г. Белинский, очевидно, идеализировал ситуацию в Европе, рассматривая ее как некий образец общественных, в том числе межнациональных отношений. Причину национальных конфликтов, войн он видел в неразвитости самих народов, когда, не желая замечать собственных ошибок и недостатков, они во всех бедах обвиняли соседей. Но, по мнению В.Г. Белинского, этот этап Европой уже пройден, и ее ждала эпоха международного партнерства, сотрудничества, эпоха усиления взаимовлияния культур, что должно было ускорить прогресс Европы и всего человечества [4. Т. 7. С. 45].

В.Г. Белинский был убежден в том, что русский народ относился к европейским. Государственность, обычаи, вера – тому подтверждение [3. С. 105]. Азиатское влияние реализовалось через ордынское иго, но налет «азиатчины» носил внешний характер, не затронув духовных основ народа [5. С. 37]. Поэтому реформы Петра I, направленные на европеизацию, ломали только обычаи народа, но не противоречили народному духу. Чтобы четче высветить эту идею, В.Г. Белинский разводил категории «народность» и «национальность». В работах В.Г. Белинского в связи с национальной проблематикой чаще всего использовался термин «народ» и различные производные от него. Понятие «народ» трактовалось им многовариантно, в зависимости от контекста несло различную смысловую нагрузку. Чаще всего оно обозначало некую этническую группу: «русский народ», «французский народ». В таких случаях «народ» вбирал в себя общество в целом, и В.Г. Белинский оговаривал, что рассматривал не только «чернь», «низы», а все сословия и социальные группы [4. Т. 5. С. 302–303]. Тогда термин «народный» характеризовал нечто общее, универсальное для всего этноса и приобретал смысл общенационального – «дух», «идея» [6. С. 303]. Вместе с тем В.Г. Белинский использовал и иное сочетание дефиниций, вводя понятие «национальность». Тогда этническая конструкция сохранялась, но менялось определение ее элементов. Под «народом» в этих случаях подразумевалась низшие сословия, а национальность экстраполировалась на все русское общество. Прилагательное «народное» В.Г. Белинский связывал с обычаями, традициями, важными для идентификации этноса. Но «народное» рассматривалось как вторичное, подчиненное по отношению к «национальному». В результате «национальные интересы», «национальные задачи» трактовались как необходимые для всего общества и их реализация связывалась с его консолидацией [3. С. 123].

Возможен был и стадийный характер дихотомии «народ – национальность» как обозначение разных этапов этногенеза. Племя/народ (В.Г. Белинский довольно часто смешивал эти понятия) были первичной формой человеческого сообщества. Разнообразие природных, климатических условий существования создавало непохожесть языков, обычаев народов. Лишь немногие из них переходили на следующую стадию, формируясь как нация [7. С. 655–656]. В.Г. Белинский не давал однозначных критериев, различающих два состояния (народ – нация). Внешним признаком нации служила способность к образованию государства [4. Т. 7. С. 63]. В любом случае только национальность как высшая форма консолидации общества позволяла ему решать самые сложные и глобальные задачи. Таким образом, «народность» – нечто присущее низшим условиям, олицетворявшее прошлое, «национальность» же, объединяя все сословия, устремлена в будущее. Преобразования Петра I сплотили Россию в единую нацию, дали толчок развитию, создали возможность реализовать ее потенциал. «Национальность есть совокупность всех духовных сил народа, плод национальности народа есть его история» [3. С. 123].

В.Г. Белинский постоянно апеллировал к необходимости национальной консолидации России, одним из инструментов которой должна была стать литература [3. С. 127]. Он не воспринимал идею народности как ориентацию на обычаи и нравы «низов» и «черни». Соглашаясь с возможно большей сохранностью в низах обычаев, традиций, В.Г. Белинский не считал, что это делало их единственными носителями русского народного духа. Более того, дворянство как элита полнее выражало национальные интересы: «высшая жизнь народа выражается в его высших слоях» [5. С. 92].

Как общие (общенациональные) задачи, требующие консолидации русского общества и сосредоточения его сил, В.Г. Белинский определил необходимость скорейшего разрешения острейших проблем: отмены крепостного права, подъема народного образования, создания эффективной правовой системы, защищающей интересы личности и т.д. [8. С. 213]. По существу речь идет о продолжении петровских преобразований. Но за прошедшие годы Европа не стояла на месте, и теперь приобщение к ее новым общественным стандартам требовало очередного модернизационного рывка. И так же, как в начале XVIII в., для реализации этой цели требовались консолидация всего русского общества и сосредоточение сил всей нации.

Следуя воззрениям Гегеля об исторических и неисторических народах, В.Г. Белинский в само понятие «человечество» включал не все когда-либо существовавшие сообщества, а только народы, являвшиеся выразителями одной из сторон общечеловеческой идеи, внесшие вклад в дело прогресса [5. С. 35]. Значительная часть этнических групп под воздействием внешних факторов, в результате особенностей собственного развития вела «внешнюю жизнь», не оставляя следа в истории человечества и исчезала, попадая в орбиту влияния «исторических» народов: «Обычно они бывают добычею более их сильных народов и смешиваясь со своими завоевателями теряют свой язык, веру и обычаи, не производя никакой перемены в народе, который поглотил их» [7. С. 657]. И только немногие на-

роды, совершив прорыв в духовной организации, культуре, государственном устройстве, становятся выразителями мировой идеи, внося вклад в прогресс человечества, приобретают «всемирно историческое значение» [7. С. 658].

Великороссы – народ исторический. Переход в данное качество В.Г. Белинский также связывал с Петровскими преобразованиями. Они создали Российскую империю и сделали русских нацией. Эти два события объединены у В.Г. Белинского логикой истории. Он подчеркивал, что Российская империя – национальное государство великорусского народа, и именно это делало его монолитным и жизнеспособным [9. С. 21]. По праву исторического народа, великороссы объединили литовский, малорусский и другие неисторические народы, не имевшие шансов на самостоятельное развитие. Включение их в состав русского государства – естественный процесс, подчинявшийся общеисторическим закономерностям. Кроме того, в составе Российской империи они получили возможность для приобщения к российской мировой культуре и прогрессивного развития [4. Т. 7. С. 64–65].

В.Г. Белинский с гордостью отмечал, что великорусский – единственный «исторический» народ среди славян, который смог не только сохранить национальное государство, но и сделать его одним из сильнейших в Европе [9. С. 21]. Но при этом он не проявлял особого интереса к идее создания общеславянского государства, считая, что эта задача находилась вне национальных интересов России и сулила весьма смутные перспективы. Кроме того, сложившаяся в Европе государственная система – результат исторического развития. Включение «неисторических» славян в состав германских государств и Турции – следствие того, что славяне остались «племенами», а турки и немцы, поднявшись до статуса «наций», реализовали свое историческое право [10. С. 49–53; 11. С. 342]. Поэтому осуществление славянофильских проектов противоречило нормальному, закономерному развитию российской и общеевропейской государственности. «Прежде всего мы скажем, что решительно не верим в возможность крепкого политического государственного существования народов, лишенных национальности, следовательно, живущих чисто внешнею жизнью» [9. С. 21].

Профессиональная деятельность В.Г. Белинского – литературного критика, публициста, определила некую рефлексивность в выборе тем, в том числе при обсуждении национального вопроса. В 30–40-х гг. XIX в. в рамках «малороссийского ренессанса» активно печаталась литература на украинском языке, что, естественно, вызывало реакцию критиков. Кроме того, малоросская проблема становилась наиболее обсуждаемой в российской публицистике с точки зрения исторической ретроспективы и формата будущего сосуществования. Следует отметить, что будучи самостоятельной темой малоросская история и культура часто рассматривалась как один из аспектов общеславянского дискурса. Как справедливо отмечал А.Н. Пыпин, бурная и острая полемика В.Г. Белинского со славянофилами приводила к тому, что в отношении к малоросской литературе негативный посыл, адресуемый славянофилам, экстраполировался на малорусских писателей и поэтов [12. С. 470]. В трактовке В.Г. Белинского малороссы и ве-

ликороссы имели общие исторические корни, берущие начало в восточно-славянских племенах. Историческая судьба разделила их в ходе процессов внутреннего развития – удельной раздробленности. Но большую роль сыграл внешний фактор – завоевание и принудительное воздействие чужеродных культур (польской на малороссов и татарской на великороссов) создали языковые и культурные отличия [4. Т. 7. С. 59].

Великороссы, будучи историческим народом, создали Московское государство, а затем Российскую империю [4. Т. 7. С. 60]. Малороссы в силу своей неисторичности остановились на стадии племени и не развивались в нацию. В.Г. Белинский, безусловно, симпатизировал героической борьбе запорожского казачества с крымскими ханами, Польшей; но полагал, что Украина не имела шансов и предпосылок для победы, создания самостоятельного государственного образования [4. Т. 7. С. 60]. В рецензии на «Историю Малороссии» Николая Маркевича В.Г. Белинский четко и жестко отмечал, что «...история Малороссии, конечно, история, но не такая, какую может быть история Англии или Франции» [4. Т. 7. С. 63]. Малороссия не могла стать национальным государством не только под воздействием неблагоприятного геополитического расположения, но, прежде всего, в результате изначального отсутствия потенциала. В.Г. Белинский настаивал, что «историю Малороссии нельзя писать как историю несостоявшейся нации» [4. Т. 7. С. 63]. Он весьма едко описывал попытки украинофилов гиперболизировать значение Запорожской Сечи, придавая событиям эпохальность: «История ее не принадлежит к истории всемирно исторической, круг ее тесен, политическое и государственное значение ее то же, что и в искусстве гротеск...» [6. С. 434]. Малороссия могла только стать частью государства, созданного другой нацией, и благодаря счастливой перемене внешних обстоятельств вошла в состав Российской империи [4. Т. 7. С. 63]. В.Г. Белинский трактовал это событие как безусловно позитивное для малороссов. Теперь они могли развиваться в русле великорусской культуры, приобщаясь таким образом к культуре мировой. Будущее малороссов в сближении с великороссами, что совпадает с мировой тенденцией усиления межнациональных связей и является залогом общего прогресса. Тем более, что данный процесс активно шел через приобщение малоросской элиты к русскому языку, культуре, включение в общерусские политические процессы [4. Т. 7. С. 65].

Исходя из этого, В.Г. Белинский весьма негативно относился к попыткам создания малоросской литературы как автономной от великорусской. Малоросский язык он считал пережитком удельного периода, сохранившимся только у низших слоев, простонародья. Он, безусловно, сохранял и олицетворял некий колорит Малороссии, но не годился для создания «высокой» литературы. Белинский писал, что как язык народных низов, язык местный – малоросское наречие имеет право на сохранение, но попытка создать на его основе самостоятельную национальную литературу бесперспективна: «Теперь уже нет малоросского языка, есть областное малоросское наречие» [13. С. 177], годное только для создания псевдолитературных поделок. Это же В.Г. Белинский относит ко всей малоросской куль-

туре, интересной провинциальностью, отражающей обычаи малоросского крестьянства. Особенно раздражали В.Г. Белинского попытки славянофилов заигрывать с малоросскими писателями, интеллигенцией. Любую апелляцию к «национальным традициям и корням» он отвергал, если усматривал попытку выделить народ как нечто особенное, противопоставляя общим тенденциям развития человечества. Поэтому В.Г. Белинский одинаково непримирим и к славянофильству (русофильству), и украинофильству.

В этом плане весьма показательное отношение В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю и Т.Г. Шевченко. Гоголь, малорусский по происхождению писатель, обрел величие именно в общерусской литературе: «Какая глубокая мысль в том факте, что Гоголь, страстно любя Малороссию, стал писать по-русски, а не по малоросски» [13. С. 178]. Фольклорный, малорусский колорит только оттенял величие Н.В. Гоголя как русского писателя, пробуждал интерес русской публики к малоросской истории и культуре. Отношение В.Г. Белинского к Т.Г. Шевченко было неоднозначным и менялось со временем. Рецензии В.Г. Белинского на работы Т.Г. Шевченко следует рассматривать в контексте полемики с журналом «Московит». В ранних статьях В.Г. Белинский полон симпатий к Т.Г. Шевченко. Воспринимая его стихи как образчик «народной» литературы, он отмечал талант поэта и благосклонно воспринимал использование малорусского языка [14. С. 171–172]. Но затем в статьях В.Г. Белинского появляется раздражение от того, что Т.Г. Шевченко продолжал писать на малорусском языке [15. С. 172]. Резкость выражений можно объяснить острой полемикой со славянофильскими изданиями, показательно демонстрировавшими симпатии к малорусской самобытности. Но трактовка малорусской литературы как стремления протащить язык черни, низов в высшую литературу в рецензиях на творчество Т.Г. Шевченко устойчива и фундаментальна. Апофеозом в это отношении стало письмо В.Г. Белинского к П.В. Анненкову, где неприязнь к Т.Г. Шевченко достигла высшего накала [16. С. 436–442]. В советской литературе исследователи, стремясь сгладить резкость высказываний «великого русского демократа» в адрес «великого украинского поэта-революционера», объясняли содержание письма как результат провокации III отделения, распустившего слух о сепаратистских настроениях Т.Г. Шевченко и приписавшего ему идеи других членов «Кирилло-мефодьевского» общества [17. С. 571]. Однако это не меняет полного неприятия В.Г. Белинским идеи о любой форме автономии Малороссии и невозможности для нее иного будущего, нежели в рамках Российской империи.

В.Г. Белинский считал одним из главных достоинств русского народа очевидную способность к пониманию «чуждых национальностей». При этом сохранялись «национальное лицо», «настоящая независимость от односторонних собственно национальных интересов». Одновременно поликультурная многосторонность русского народа даже усиливала его самостоятельность в ряду великих народов. Но как истинный западник В.Г. Белинский настаивал на восприятии достижений только западной культуры и науки. Восток – оплот косности, окаменелости, ничего позитивного России дать не мог.

Начатое в ходе Петровских преобразований избавление от «татарщины», попыток насильственного внесения азиатчины в Россию было одним из главных условий превращения русского народа в нацию. Таким образом,

В.Г. Белинский предполагал, что Россия, оставаясь многонациональной империей, сохранит доминирование русского национального элемента в государственном устройстве, языке и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов В.И.* Философские и социалистические воззрения В.Г. Белинского. Минск: Белгосуниверситет, 1959. 400 с.
2. *Сергеев С.* Не хочу быть даже французом...: Виссарион Белинский как основатель либерального национализма в России. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/rus/history/84/11575/>
3. *Белинский В.Г.* Деяния Петра Великого // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 91–153.
4. *Белинский В.Г.* История Малороссии Николая Маркевича // Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 44–65.
5. *Белинский В.Г.* Литературные мечтания // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. С. 20–104.
6. *Белинский В.Г.* Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 289–451.
7. *Белинский В.Г.* Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия // Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 654–659.
8. *Белинский В.Г.* Письмо к Н.В. Гоголю 15 июля 1847 года // Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. С. 212–220.
9. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. С. 7–50.
10. *Белинский В.Г.* Рецензия на речь Михаила Соловьева «О развитии русской жизни в отношении к законодательству» // Отечественные записки. 1841. Т. 18, № 10. С. 49–53.
11. *Белинский В.Г.* Денница ново-болгарского образования // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 342–343.
12. *Пытин А.Н.* Белинский. Его жизнь и переписка. СПб.: Колос, 1908. 662 с.
13. *Белинский В.Г.* Ластовка. Сочинения на малороссийском языке // Собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 176–178.
14. *Белинский В.Г.* Кобзарь Т. Шевченка // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. С. 171–172.
15. *Белинский В.Г.* Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. С. 172–174.
16. *Белинский В.Г.* Письмо к П.В. Анненкову // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12.
17. *Белинский В.Г.* Примечание // Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 апреля 2010 г.